

Воспоминания
Янв. 1968г.

«ДОПУСКАТЬ НЕ СЛЕДУЕТ...»

Агентурное сообщение насторожило чиновников III отделения. О нем немедленно доложили министру внутренних дел. И тот лично занялся разбором инцидента, происшедшего 28 января 1868 года в переполненном зале вологодского театра. Как оказалось, тотчас же после исполнения водевиля, показавшего «в самом невыгодном свете нравственную сторону помещиков и вообще высшего сословия в сравнении с низшим», некто Леонов, «находившийся под судом и лишенный по высочайше утвержденному мнению Государственного совета всех особенных лично по состоянию присвоенных прав и преимуществ и выдержанный в вологодской тюрьме три месяца, читал на сцене стихотворение Некрасова «Размышления у парадного подъезда». Министра встревожило то, что «декламирование этих стихов с ударениями и оstonовками было прерываемо трюмками восклицаниями райка: «Правда, правда, браво!» И он дал строжайшее указание: «Таких представлений допускать не следует».

Это предписание министра внутренних дел вологодскому губернатору обнаружено в Ленинграде, в Центральном государственном историческом архиве СССР. Вместе с другими оставшимися до сих пор неизвестными документами оно приводится в новом сборнике «Некрасов и русская поэзия». Дела царской цензуры, III отделения министерства внутренних дел, департамента полиции позволили установить, что почти столетие назад творения великого русского поэта

Новое о преследовании творений Некрасова

не только подвергались цензурным изъятиям, но и предпринимались строжайшие меры, препятствовавшие их публичному исполнению.

За год до происшествия в Вологде «Размышления у парадного подъезда» прозвучали со сцены харьковского театра. Бурная реакция «посетителей верхнего яруса галереи и райка» и здесь настолько всполошила губернатора, что он тотчас же принял меры к «недопущению на будущее время чтений... разного рода несоответствующих стихотворений». А вскоре после вологодцев, гласит разысканное в фондах Центрального государственного архива Октябрьской революции донесение агента III отделения, «отличились» кронштадтцы. В зале Морского собрания «в антракте между назначенными по афише пьесами» прочитано было тут «одно из новейших сочинений известного литератора Некрасова», и аплодисментам «не было конца, и публика требовала повторения или по крайней мере еще чего-нибудь подобного». Это обеспокоило агента, ибо речь шла о стихотворении «Еще тройка», где, по его убеждению, «ярко выставлялось направление автора», который «не раз уже проявлял свою неблагонадежность в правительственном отношении».

Во многих городах и при жизни поэта, и после его смерти звучало со сцены слово Некрасова. Но

сплошь да рядом это вызывало бурную реакцию сановников самых разных рангов и разных ведомств. Строжайший запрет на публичное исполнение стихотворения «Внимая ужасам войны» был отправлен из Петербурга в Пензу. Оживленную переписку вызвало чтение некрасовских стихов на литературных вечерах в Устюжне, о которых министр внутренних дел писал как о вечерах, которые «не могут принести ни малейшей пользы юношеству».

«Вас несколько, вероятно, не удивит, — сообщила самому поэту известная русская актриса В. В. Мичуринна (Самойлова), — что, прочтя Вашу поэму «Русские женщины», мне неотступно хотелось прочесть ее не тайно, но явно, т. е. в концерте, но от многих слышу, что читать ее не позволяют...»

В выпускаемом издательством «Наука» сборнике приводится любопытный документ о том, как самого губернского прокурора — лицо весьма влиятельное — показали за исполнение стихов Некрасова. Было это в Уфе на литературно-музыкальном вечере в городском собрании. Еще до того прокурор прочел публично «Размышления у парадного подъезда», что «побудило губернатора сделать ему внушение, но он на это не обратил никакого внимания и прочел «Филантроп», не менее тенденциозного свойства». И гря-

нул гром: за чтение некрасовских стихов губернского прокурора лишали занимаемой им должности!

Воздвигаемая всяческие препоны на пути к публичному исполнению произведений великого поэта-демократа, царские чиновники с не меньшим пылом стремились к тому, чтобы публиковались они в искаженном, препарированном виде. Об этом говорит, в частности, публикуемая в сборнике работа Б. Бухштаба о преследовании сатирической поэзии Некрасова в годы цензурного террора. Говорит о том и приведенный литературоведом М. Теплинским документ из фондов Петербургского цензурного комитета, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде. Этот документ свидетельствует о том, что в 1883 году при публикации «Русских женщин» из поэмы по указанию цензуры были изъяты отрывки, «отличающиеся тенденциозным характером и решительно неудобные в книге для народного чтения».

В новый некрасовский сборник, подготовленный Институтом русской литературы Академии наук СССР, вошли исследования самых разных сторон творчества великого поэта. Речь идет в нем и о живучести некрасовских традиций — об их роли в развитии лирики русских символистов, о влиянии поэзии Некрасова на Брюсова и Есенина. Пишут об этом видные ученые-литературоведы. Пишет и поэт Н. Рыленков, открывший том яркой статьей, утверждающей, что отношение к поэзии Некрасова — показатель нравственной высоты человека, мерило его душевного благородства, богатства его гражданских чувств.

А. ЛЮБАРСКИЙ
(АПН)